

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.202

ТЕКСТ И «ВТОРИЧНЫЙ» ТЕКСТ: «В АПТЕКЕ» А.П. ЧЕХОВА

Н. В. Семенова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматривается проблема искажения смысла во «вторичных» текстах особого типа – произведениях русской классики, предназначенных для ЕГЭ. Анализ жанровой природы и нарратива в рассказе А.П. Чехова «В аптеке» и его сокращенном варианте позволяет прийти к непротиворечивым выводам.

Ключевые слова: «вторичный» текст, компрессия, юмористический рассказ, рассказ-сценка, эпизод, нарратив, этос нарративной интриги.

Рассказ А.П. Чехова «В аптеке» написан в 1885 году и принадлежит ко второму этапу творчества писателя. С середины 80-х годов формируется особый тип рассказа, в котором Чехов предлагает «новые, совершенно новые для всего мира формы письма» (Л.Н. Толстой) [9, с. 149]. Вместе с тем граница между периодами не была непроницаемой, о чем свидетельствует рассказ «В аптеке», который писатель впоследствии не включал в собрание сочинений. Неудовлетворенность написанным, как можно предположить, проистекала из того, что «рассказ-сценка и повествовательный юмористический рассказ не “плавают” в море жанрово аморфных текстов» [Там же, с. 45]. Именно соединение этих двух жанров на фоне постановки метафизических вопросов бытия создает дискомфорт для читателя и определяет трудности прочтения.

При первой публикации в «Петербургской газете» рассказ имел подзаголовок «Сценка», который автор впоследствии снял. Черты сценки и юмористического рассказа видны в достаточной степени отчетливо. Заглавие «В аптеке» указывает на локализацию пространства, первый короткий абзац дает стремительный ввод в ситуацию: «Был поздний вечер. Домашний учитель Егор Алексеич Свойкин, чтобы не терять попусту времени, от доктора отправился прямо в аптеку» [11, с. 54]. Перед нами жанровая сценка: посетитель в аптеке покупает лекарство. И гимн аптечному запаху воспринимается, скорее, как прием юмористики, а не способ расширения пространства аптеки, получающего «черты пограничного места встречи жизни и смерти» [8, с. 5]. «Войдя в аптеку, Свойкин был охвачен запахом, присущим всем аптекам в свете. Наука и лекарства с годами меняются, но аптечный запах вечен, как материя. Его нюхали наши деды, будут нюхать и внуки» [11, с. 54]. В этом пассаже звучит уже голос условного повествователя, человека того же круга, что и Свойкин, – городского обывателя, «сред-

© Семенова Н. В., 2024

него интеллигента». Признаки «аптечного текста» [1] с постановкой метафизических вопросов – болезнь / смерть/ здоровье – если и имеют место, то в значительной степени купируются тоном легкой болтовни.

Второй абзац – внутренний монолог героя, где поводом для мизантропии становится коммерческое процветание аптек: «Словно к богатой содержанке идешь или к железнодорожнику, – думал он, взбираясь по аптечной лестнице, лоснящейся и устланной дорогими коврами. – Ступить страшно!» [11, с. 54]. Упоминание о богатой содержанке, равно как и о железной дороге, содержит общую коннотацию – «богатство», что неочевидно для современного читателя: до революции в Табели о рангах чин «инженер-путеец» соответствовал чину гвардейского офицера [2, с. 95]. Представление о герое – жертве административной системы, олицетворяемой железнодорожником, встраивает домашнего учителя Свойкина в парадигму маленьких людей: Башмачкин, Желтков, Червяков. Однако фамилия Свойкин – в традиции «осколочных» рассказов говорящая и указывает на профессию героя (домашний учитель – свой человек в доме, Свойкин).

Подтверждают комический модус повествования и портреты второстепенных персонажей. «Лоснящаяся лестница» и «лоснящаяся конторка» изоморфны «выхоленности», «выутюженности», «вычищенности», «вылизанности» фигуры провизора: «За желтой, лоснящейся конторкой, уставленной вазочками с сигнатурами, стоял высокий господин с солидно закинутой назад головой, строгим лицом и выхоленными баками – по всем видимостям, провизор. Начиная с маленькой плешки на голове и кончая длинными розовыми ногтями, все на этом человеке было старательно выутюжено, вычищено и словно вылизано, хоть под венец ступай» [11, с. 54]. Принадлежность эпитетов, характеризующих лестницу, конторку и провизора, одному семантическому полю – «до крайней степени отделанный» – снимает оппозицию между миром одушевленным и неодушевленным. «Глухой, мерный» голос провизора «резкий металлический голос» фармацевта, хтоническая внешность другого фармацевта («маленький черненький фармацевт») подтверждают характеристику аптечного пространства как мира мертвых. Подобное видение связано с «оптикой зрения» учителя, который из-за начавшейся горячки воспринимает окружающий мир неотчетливо.

Центральная оппозиция рассказа – «толпы» и «латинской кухни» – важна для самоидентификации героя. С одной стороны, отнесение себя к толпе содержит момент самоуничтожения, с другой – в определение «латинская кухня» автор, смотрящий на все глазами своего героя, вкладывает иронию и сарказм. «Кухня» здесь – это «скрытая, закулисная сторона какой-л. деятельности» [7, с. 155]; «махинации, интриги, неблагоприятные дела (презр.)» [5, с. 480]. Комический эффект усиливается эпитетом «латинская»: латынь – профессиональный язык общения врачей и фармацевтов, при этом Свойкин, получивший классическое гимназическое образование, владеет

ею настолько, что способен разбирать надписи на лекарствах: «Свойкин поднял глаза на полки с банками и принялся читать надписи... Перед ним замелькали сначала всевозможные «радиксы»: генциана, пимпинелла, торментилла, зедоария и проч. За радиками замелькали тинктуры, oleum'ы, semen'ы, с названиями одно другого мудренее и допотопнее» [11, с. 56].

Жанровым признаком рассказа-сценки является диалог [9, с. 47; 13, с. 13]. При доминировании приемов юмористического рассказа этот признак подвергается существенной редукации. Место диалога занимают первичные речевые жанры. В одном случае это первичный речевой жанр команды, которую отдает провизор первому и второму фармацевтам: «Свойкин подошел к конторке и подал вытуженному господину рецепт. Тот, не глядя на него, взял рецепт, дочитал в газете до точки и, сделавши легкий полуоборот головы направо, пробормотал:

– Calomeli grana duo, sacchari albi grana quinque, numero decem!

– Ja! – слышался из глубины аптеки резкий металлический голос.

Провизор продиктовал тем же глухим, мерным голосом микстуру.

– Ja! – слышалось из другого угла» [11, с. 55].

Можно предположить, что «ja» (да) выступает здесь как синоним «jawohl» (да, конечно; воен. так точно) [4, с. 139] – формы ответа на военную и иную команду в немецком языке.

Первичный речевой жанр просьбы не конструирует диалога, но оправдывает заискивающий тон, каким Свойкин обращается к провизору: «Он <Свойкин> подошел к прилавку и, состроив умоляющую гримасу, попросил:

– Будьте так любезны, отпустите меня! Я... я болен....

– Сейчас... Пожалуйста, не облакачивайтесь! » [11, с. 56]

Попытки Свойкина заговорить с провизором на медицинские темы (о пользе бычьей желчи, преимуществах проживания в городах, где есть доктора и аптеки) последовательно игнорируются. Бытовой диалог возникает только один раз, когда речь заходит об оплате и выясняется некредитоспособность учителя:

«– Рубль шесть копеек? – забормотал он конфузясь. – А у меня только всего один рубль. Думал, что рубля хватит... Как же быть-то?

– Не знаю! – отчеканил провизор, принимаясь за газету.

– В таком случае уж вы извините... Шесть копеек я вам завтра занесу или пришлю...

– Этого нельзя... У нас кредита нет...

– Как же мне быть-то?

– Сходите домой, принесите шесть копеек, тогда и лекарства получите.

Пожалуй, но... мне тяжело ходить, а прислать некого...

– Не знаю... Не мое дело...

– Гм... - задумался учитель. – Хорошо, я схожу домой...» [Там же, с. 57].

Открытый финал содержит признаки дурной повторяемости, что характеризует рассказы Чехова зрелого периода: «Медяки высыпались из кулака, и больному стало сниться, что он уже пошел в аптеку и вновь беседует там с провизором» [Там же, с. 57]. Открытые финалы Чехова приводят к тому, что событие – переход в иную стадию, иное состояние – оказывается под вопросом [14, с. 154]. Однако читатель, увидевший традиционные жанры в рассказе «В аптеке» по инерции прогнозирует то или иное исчерпывание интриги. Так, существует вероятность, что за «pointe в самом материале сюжета» будет принята «пуантировка в ряду изложения» [6, с. 67] – финальная реплика в диалоге: «Гм... – задумался учитель... Хорошо, я схожу домой...» [11, с. 57].

Ситуация получает в этом случае определенное разрешение: больной учитель Свойкин наталкивается на равнодушные служителей и не может получить лекарство в аптеке из-за недостающих шести копеек.

Невозможность однозначной интерпретации в условиях жанровой размытости подтверждает и нарратологический анализ. «Эпизодический аспект построения интриги» позволяет предположить, что сокращение эпизодов в варианте ЕГЭ повлечет за собой сокращение «особых смыслопорождающих возможностей» [10, с. 12]. «Прерывания излагаемой истории <...> индуцируют напряжение ожидание» [Там же, с. 13]. «Напряженное ожидание» на границе эпизодов современная неориторика определяет как «этос» – «аффективное состояние получателя, которое возникает в результате воздействия на него какого-либо сообщения» [3, с. 264].

В рассказе «В аптеке» жанр юмористического рассказа с интригой авантюрного типа моделирует окказиональную картину мира и определяет «парадоксальное ожидание неожиданностей» [10, с. 16]. Открытый финал такие ожидания не оправдывает; В. Шмид определяет его как энигматический [14, с. 154]; «непонятный», «загадочный», «таинственный», он актуализирует «вероятностную картину мира» [10, с. 17]. Такой финал исключает однозначную оценку героя и ситуации: формально прав провизор, требующий «внести» всю сумму («У нас кредита нет» [11, с. 57]), но читатель сочувствует больному Свойкину, который также не вполне прав в своей критике аптек и аптекарей. Рассказ вызывает неоднозначные реакции, читателю трудно определить свое отношение к герою: Свойкин – комическая фигура, городской обыватель, мизантроп или жертва, маленький человек? Перевести эти сомнения на язык литературоведческих понятий помогает инновативная категория – этос нарративной интриги.

В материалах ЕГЭ рассказ Чехова «В аптеке» печатается без заглавия, с пометой «(по А.П. Чехову)» и жанровым обозначением «бытовая сцена» в заданиях. В нем нет болтовни повествователя и внутренних монологов главного героя. Изъятые второстепенные персонажи – фармацевты, кассир, чьи действия синхронизируются с ожиданием Свойкина: кассир считает мелочь, закрывает кассу, курит, фармацевты готовят лекарства. В

полном тексте семь раз упоминается, что провизор читает газету, в варианте ЕГЭ – только два. Все это не позволяет ощутить течение времени, меняется нарративный хронотоп. Хотя в тексте осталась фраза провизора: «Через час будет готово» [Там же, с. 55], незаполненность этого часа ритуализованными действиями создает эффект одномоментности происходящего.

Этос в рассказе-сценке определить трудно, это стоп-кадр, мгновенная фиксация с позиции «повествователя-наблюдателя» [9, с. 47]. В данном случае это и неважно, поскольку характер чтения и тип адресата запрограммированы и определяются ситуацией экзамена. Рецептивная установка абитуриента, его настроенность – это, по Бахтину, «сопротивление или поддержка», с преобладанием второго в данном случае. Текст, в котором необходимо сформулировать проблему и четко выразить позицию автора, по определению, способен породить у адресата только «этос убеждения», «этос долженствования».

Составители заданий для ЕГЭ часто обращаются к рассказам Чехова, при этом, независимо от времени написания и жанра, вчерашний школьник будет искать в исходном тексте «назидательную интригу наставления» [10, с. 15]. Это не соответствует этосу поздних рассказов Чехова, который В.И. Тюпа определяет как «понимание». Установка, которая формируется у абитуриента, приводит к прямолинейности оценок и неизбежным искажениям. В рассказе Чехова в лучшем случае будет увидена фигура маленького человека и распознана проблема равнодушных наделенных властью к страданиям ближнего. Хотя Чехов, как можно предположить, писал здесь о распаде коммуникации и о том, что в мире, граничащем с абсурдом, «никто не знает настоящей правды» [12, с. 453]. Понимание этой установки требует уже оценки не с точки зрения жизненного опыта, а с эстетических позиций «понимания».

Список литературы

1. Борисова И. Весь мир – аптека (наброски реконструкции «аптечного текста» русской литературы) // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. Москва : Новое издательство, 2006. С. 282–290.
2. Вульф А. Повседневная жизнь российских железных дорог. Москва : Молодая гвардия, 2007. 453 с.
3. Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клингкенберг Ж.-М., Тринон А.. Общая риторика. Москва : Прогресс, 1986. 392 с.
4. Немецко-русский, русско-немецкий словарь. Москва : Аби Пресс, 2013. 592 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
6. Петровский М.А. Морфология новеллы // Поэтика. Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. Москва : Изд-во Российского открытого университета, 1992. С. 61–92.

7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Русский язык, 1982. 736 с.
8. Стенина В. Ф. Аптекарский мир и аптекари в ранней чеховской прозе (на материале рассказа А. П. Чехова «В аптеке») // Вопросы русской литературы. 2016. № 2. С. 3–11.
9. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1987. 182 с.
10. Тюпа В. И. Этнос нарративной интриги // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 2. с. 9–19.
11. Чехов А. П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 4. Москва: Наука, 1976. 551 с.
12. Чехов А. П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 7. Москва: Наука, 1985. 735 с.
13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Москва: Наука, 1971. 292 с.
14. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

THE TEXT AND “SECONDARY TEXT”: “IN THE DRUGSTORE” BY A.P. CHEKHOV

N. V. Semenova

Tver State University, Tver

The article deals with the distortions of the initial semantics of the literary text in the “secondary” text of a specific type - the works of Russian classical writers adapted for the USE (unified state exam). The analysis of the genre and the narration structure of “In the Drugstore” by A.P. Chekhov in its abridged variant leads to uncontroversial conclusion.

Keywords: *the “secondary” text, compression, humorous short story, story-scene, episode, narration, the ethos of the narrative intrigue.*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Semenova.NV1@tversu.ru.

About the author:

SEMENOVA Nina Vasilevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelebov str., 33), e-mail: Semenova.NV1@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.